

ВИКТОР МАКУКИН



А РОДИНА БЫЛА ОДНА...

* * *

Весна!
Щавель, крапива, лебеда...
В росу обуты детские года...
К ушедшему прилипчиво живу
и хлеб,
как дар Всевышнего,
жую.
Была бы соль,
Ещё — водица к хлебу.
Мне ни к чему занудное нытьё.
Стоит на страже
прошлое моё.
Что есть — то есть,
и лишнего не требуй!
Храню в душе счастливые года,
слова “щавель”, “крапива”, “лебеда” ...

МАКУКИН Виктор Павлович родился на Брянщине. С шести лет — воспитанник Суземского детского дома. После десятилетки уехал на Урал, где учился в металлургическом профтехучилище, а затем трудился в цехах Северского металлургического завода. Служил в армии радиотелеграфистом. Окончил литературный институт имени Горького, работал в газетах Свердловской, Оренбургской и Брянской областей, в Казахстане и на Украине. Член Союза писателей России. Опубликовал четыре книги стихотворений.

* * *

Меня жалели:

— Сиротинка!..

Вот вспомнил и — стыжусь:

— За что?

...Перелетело паутинкой
через Чуковского с Барто
всё, что корабликами плыло,
звало Снегурочкою в лес...

...Мне —

“буря мглою небо” крыла,
и... бомбы падали с небес.

Шептала бабка:

— Шлёт, постылый,

подарки к Рождеству, никак...

...Мне тех подарков не хватило.

На мамке кончились.

Вот так...

* * *

Приплывут, словно лодочки,
были,
не нарушив души окоём.
Вроде жили, а вроде — не жили,
если памятью только живём.

Если снова на тёплом вагоне,
затаившись, как серая мышь,
убегаю на юг от погони...
Только с крыши куда убежишь?!

Память детским волнением дышит,
я её усмирить не хочу.
И лечу у вагона на крыше,
меж землёю и небом лечу.

В край, где волны баюкают тело
и жратвы по базарам — река!
И детдом моё “Личное дело”
на меня ещё “лепит” пока...

* * *

Словно о крышку гроба,
глухо стучит антоновка
о шифер замшелой крыши
и скатывается к ногам
любимого Русью Спаса —
трудяги и жизнелюба.
И я кричу ему:

— Здравствуй!

Ты не был для нас медовым.
С оскоминой вечной был...

* * *

У русских сказок нет концов плохих.
Ты их не устаёшь читать,

как стих.

Читай, моя любимая, читай,
чтоб ночь твоя была, как Первомай
знамённый,

что далёко-далеко...

...Перечитать всё это — нелегко.

ПИСЬМО

“Ты меня

к Октябрьским не жди.

Думал вот приехать — куда!..

Залили дороги дожди.

А дороги наши — беда.

Словом, ты

к Октябрьским не жди:

если можешь, сам приезжай.

Залили округу дожди,

а буряк не выкопан, жаль...

Эту воду в ступе толочь

я не буду, сижу, как в дыре.

Нониче гремело всю ночь,

а уже октябрь на дворе...

Ну, пока...” —

Задумался вдруг,

вновь блокадный увидев ад...

Надписал:

“Санкт-Петербург...”

Перечеркнул:

“Ленинград...”

В КИНО

Такая осень на дворе!

Такая мерзкая погода...

Да, я родился в октябре,

но не 17-го года.

И потому я уцелел,

когда из всех углов строчили,

когда “Аврору” под прицел

самой истории тащили.

Движок на улице стучит.

А по экрану, с перекурором,

на нас всю лавиной мчит

гражданская война аллюром.

В последний бой спешащий люд,

который лют, красив и страшен...

И снова наши

наших бьют.

И, значит, хлопать будем нашим...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Выстрел!
И — улетела
душа...
В небеса? —
В кусты?
А ведь у этого тела
ходил в охранниках ты!

Падать беспечно в мире
За Сеньку, за Ромку, за...
Как падает то в сортире,
на что не глядят глаза...

* * *

Меня пытали:
— Откажись,
за что держался!
Я посмотрел на эту жизнь
и отказался.

Всё отдал:
дом свой и жену...
По-над рекою
ушёл.
Вздыхнув,
назад взглянул,
махнул рукою.

Всё взяли,
глазом не моргнув.
Я был бессилен.
Ну, ладно б — только дом, жену...
А что — с Россией?

Ушла из памяти жена.
Другую встретил...
А Родина была одна!
Одна на свете...